

Большинство учителей ставят себѣ свою черствую суровость и непобѣдимую „твердость“ въ величайшую честь и заслугу. И бѣдный ребенокъ гложетъ свою досаду и уныніе, онъ научается тому, что велятъ, онъ выдѣлываетъ указныя гаммы и экзерсисы, онъ распѣваетъ идіотскія дѣтскія „пѣсенки“, онъ отбарабаниваетъ классическія „сонаты“. Скоро онъ все это умѣетъ дѣлать. Но отъ столькихъ же вещей, во сто разъ болѣе важныхъ и нужныхъ, онъ тоже тутъ и отучается. Свѣжесть ощущенія и чувства, живое стремленіе къ тому, что здорово и естественно—немножко уже притѣснено, даже иногда сглажено. Чувство покорности и послушанія, иногда выставляемое за начало всякаго успѣха и блаженства, возрастаетъ и крѣпнеть, но опора на себя, самомысліе и независимость, дѣятельность собственнымъ разсудкомъ—угнетаются, мельчаютъ, иногда совсѣмъ тушатся.

Посмотрите, какіе, въ большинствѣ случаевъ, всѣ учителя и учительницы музыки? Все равно какъ и учителя рисованья, это почти всегда тѣ люди, которые въ музыкѣ не способны были пойти дальше передней ея, которые ни въ композиторы, ни въ настоящіе талантливые исполнители негодились, и разсудили, что учительская должность—все-таки лучшее изъ худшаго, надо-же чѣмъ-нибудь жить. И вотъ они учатъ всему по своей части, кромѣ одного того, что всего нужнѣе и важнѣе—истинному пониманію и выраженію, любви къ хорошему, ненависти къ худому. Ихъ интеллектуальность музыкальная, обыкновенно, самая низкая, самая ничтожная: какъ же бы они учили тому, чего сами не знаютъ? Они думаютъ только объ ученѣ, о музыкѣ—никогда. Они ея вовсе не знаютъ, и потому, когда рѣчь доходитъ, послѣ экзерсисовъ, до „сочиненій“, они ставятъ на нотный пюпитръ, передъ своими воспитанниками, всякую всячину: и созданіе высокихъ, талантливыхъ композиторовъ, и жалкое кропанье самыхъ ничтожныхъ и бездарныхъ—все тутъ идетъ за панибрата, все тутъ встрѣчается, сталкивается и обнимается, все заучивается и вытверживается съ одинакимъ равнодушіемъ и безучастіемъ, потому что, по понятіямъ учителя и учительницы, все это заразъ—прекрасно и превосходно, ничему нѣтъ отказа ни запрета, всему двери настежь, а многое, до тла уже вовсе негодное, давно выдохшееся, еще выставляется тутъ какъ нѣчто наивысшее, значительнѣйшее, „классическое“. И такимъ, то образомъ, на второй своей ступени, ученикъ опять остается съ незатронутымъ музыкальнымъ понятіемъ, съ пониженнымъ ощущеніемъ справедливаго и хорошаго, съ наклонностью всѣмъ быть довольнымъ, съ привычкой не разбирать талантливое отъ бездарнаго, художественное отъ безвкуснаго, съ